

А. И. ЗАЙЦЕВ И КЛАССИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ¹

В этих заметках, связанных с десятилетием гимназии, я хотел бы обратиться не к ее успехам или неудачам, а к той части ее истории, которая связана с именем Александра Иосифовича Зайцева — недавно ушедшего от нас учителя большинства петербургских классиков, в том числе и большинства преподавателей древних языков гимназии.

В последние годы Александр Иосифович был председателем попечительского совета гимназии и относился к этому так же, как и ко всем обязательствам в своей жизни — предельно серьезно. Среди этих его многочисленных и, как правило, добровольно взятых на себя обязательств было и участие в ежегодных экзаменах по древним языкам, и непереносимое посещение всех докладов гимназистов на античном кружке, и выступления с лекциями перед гимназистами и учителями. Нелегко представить себе большого ученого, который бы с такой готовностью, как Александр Иосифович, читал гимназистам лекции о функциях латинского аблатива или слушал ученические доклады. Одно из заседаний кружка, которые он старался не пропускать, несмотря на тяжелую болезнь последних лет, он посетил совсем незадолго до своей смерти, в декабре 1999 г.

В течение всего времени существования гимназии Александр Иосифович был тем человеком, чье имя в первую очередь возникало в ситуациях, когда нужно было дать авторитетную оценку, найти выход из затруднительной ситуации или просто помочь советом. Репутацию мудреца, давно и прочно за ним закрепившуюся, не оспаривали и те, кто склонен больше полагаться на собственное суждение. Во всяком случае, в большинстве споров, касающихся древних языков и античности в целом, слово Александра Иосифовича было, как правило, решающим.

Так было, например, во время «бунта» по поводу греческого языка, случившегося на третьем году существования гимназии. Тогда группа родителей, не вполне понимавших, для чего, собственно, нужен их детям греческий язык, выступила за его исключение из программы. В этот трудный момент Александр Иосифович нашел нужные слова и для своих коллег — преподавателей гимназии, и для родителей, чтобы объяснить, что гимназия не может учить лишь вещам, нужным в практической жизни. Ее задача — научить мыслить и принимать решения, привить любовь и привычку к самостоятельной интеллектуальной работе, указать, на что следует ориентироваться в гражданской жизни. Для всего этого изучение античности и двух ее основных языков — вещь крайне важная, без которой классическая гимназия просто немыслима.

---

¹ Выражаю свою глубокую благодарность Людмиле Юрьевне Меньшиковой, напомнившей мне многие эпизоды участия Александра Иосифовича в гимназической жизни.

Решающую роль сыграло и мнение Александра Иосифовича об учебниках латинского и греческого языка, по которым сейчас преподают в гимназии. Из привезенных из Германии нескольких комплектов учебников он выбрал именно *Ianua nova* и *Пропилеи*, сочтя их достаточно трудными — т.е. *подходящими* — для наших гимназистов. Этот выбор отражал один из важных его взглядов на гимназическое обучение: «Учиться древним языкам, как и вообще учиться в школе, должно быть трудно». Ведь иначе в гимназистах не выработается спасительное в их будущей самостоятельной жизни умение быстро ориентироваться в сложных ситуациях и преодолевать препятствия.

Вообще нам очень повезло, что в ответственный период формирования гимназии рядом с нами был человек, который, пожалуй, лучше других знал, *какой* она должна быть. Сама по себе идея классического образования никогда не умирала в нашем городе, хотя и оставалась долгие десятилетия лишь идеей. Поколению наших учителей она была передана их собственными учителями, Яковом Марковичем Боровским и Аристидом Ивановичем Доватуром, которые сами еще успели получить образование в дореволюционной гимназии. Александр Иосифович учился в обычной ленинградской школе и о классическом образовании, будь то в России или на Западе, мог знать только из книг или воспоминаний старших. Но именно у него близкая многим идея о том, что в школе нужно возродить обучение двум древним языкам, превратилась в продуманное представление о том, каким требованиям должна отвечать новая российская гимназия.

Между тем в горячечной атмосфере конца 80-х — начала 90-х гг., когда все дореволюционное приобрело огромный престиж, очень нелегко было найти правильные ориентиры и не начать «возродать» все подряд — не только древние языки, но и телесные наказания, и закон Божий, и обязательную форму, и т.д. Александр Иосифович неоднократно возражал и устно, и письменно против идеализации дореволюционной гимназии. Так, например, он полагал, что из-за неправильного отбора в гимназию среди ее учеников

«преобладали дети без выраженных познавательных интересов, средних способностей или просто тупые. Они, разумеется, не могли извлечь никакой пользы из обучения древним языкам, не выучивались им, мешали учиться немногим одаренным и интересующимся».

Нереальным считал он и возвращение к опыту Германии или Англии XIX — первой половины XX в., когда классическая гимназия была первой ступенькой будущей административной или политической карьеры:

«Классическое образование в собственном смысле слова, основанное на изучении древних языков без малейших послаблений в занятиях точными науками, должно стать уделом одаренных детей из семей, в которых традиционные культурные ценности ставятся выше внешнего успеха в жизни. Классическая гимназия ни в коем случае не должна быть нормальным путем вверх по социальной лестнице — иначе ее мгновенно заполнят тупые и ленивые дети влиятельных родителей и классическое образование превратится в фикцию».

Общаясь с Александром Иосифовичем в 1988/89 гг., когда разрабатывался план организации гимназии, ее программа, учебная нагрузка и т.п., я не раз обсуждал с ним все эти вещи, и, хотя он никогда не навязывал свои идеи, сейчас, оглядывая то, какой получилось гимназия, я могу сказать, что в главных своих направлениях она соответствует его представлениям.

С самого первого набора в гимназию мы стремились организовать приемный конкурс так, чтобы он выявлял действительно способных детей из всех слоев общества, хотя сделать это было нелегко. Понятно, что именно нужно проверять при приеме в музыкальную, спортивную или математическую школу, но как организовать конкурс в классическую гимназию? Проверять знание латыни — невозможно, знание греческой мифологии — нелепо, ведь это может выучить каждый. В результате мы включили в конкурс задачи по математике, лингвистике и логике, которые должны были показать, насколько самостоятельно ученик способен размышлять, а не то, какие знания в него вложили в начальной школе. Из того, что могли знать наши будущие ученики, нас в первую очередь интересовали знания, почерпнутые ими самостоятельно, из книг, а не из школьных учебников. Идеалом был бы такой приемный тест, к которому в принципе нельзя подготовиться заранее, хотя это, кажется, так и осталось идеалом. Не берусь я и утверждать, что в семьях большинства гимназистов «традиционные культурные ценности ставятся выше внешнего успеха в жизни» — ведь гимназический тест проверяет учеников, а не родителей.

Привычная сейчас идея о том, что классическая гимназия опирается на два цикла дисциплин — древние языки и точные науки — в конце 80-х отнюдь не казалась самоочевидной филологам и историкам, создававшим эту школу.² Наоборот, в стране возник огромный спрос на гуманитарное знание, советскую школу реформировали под знаком «гуманитаризации», так что главный педагогический начальник Ленинграда, который и решал вопрос о начале нашего гимназического эксперимента, посоветовал нам убрать из учебного плана химию и добавить побольше музыки.³ Вполне естественно, что в программе большинства новых гимназий оказались мировая художественная культура, история театра, история культуры, краеведение, риторика и пр. Александр Иосифович, будучи филологом и историком культуры, считал тем не менее, что описательные дисциплины — в отличие от древних языков и математики — не могут научить гимназистов самостоятельно решать сложные интеллектуальные задачи, а следовательно, непригодны в качестве средства серьезного образования. В том, что мы тогда

---

² Полный список преподавателей первого года существования гимназии см. в этом журнале.

не поддались соблазну «гуманитаризации» и не заменили скучную алгебру симпатичным краеведением, есть и его немалая заслуга.

Не следует, впрочем, думать, что Александр Иосифович смотрел на классические языки лишь как на дополнительное к математике средство тренировки ума. Тренировать ум может любой древний язык, который изучается грамматически, — в отличие от новых, где большую роль играет память и способности к имитации, далеко не всегда совпадающие с умственными. Почему в таком случае не санскрит или иврит? Ставя развитие мышления на первое место среди задач классического образования, двумя другими Александр Иосифович выдвигал «приобщение к духу европейской культуры и формирование реалистического политического мировоззрения». Очевидно, что знание истории и культуры античности как нельзя лучше служит этим целям, ибо ее герои и ее ценности выдержали испытание временем и меньше других подвержены влиянию современности и национальных интересов. Тот, кто с молодых лет узнал о военных подвигах спартанских аристократов, о кипучей хозяйственной активности тиранов Поликрата и Писистрата, о судьбе Сократа, осужденного к смерти судом демократических Афин, о деятельной энергии римских чиновников и безумствах римских императоров, будет без особых иллюзий, т.е. *реалистически*, смотреть и на современные формы политической организации.

Совпадение многих черт устройства гимназии с тем, как представлял себе ее Александр Иосифович, разумеется, не означает, что всякая новая идея получала или должна была получить его санкцию. О многих вещах он высказывался мимоходом, часто уже после того, как видел их реализованными. Упомяну лишь одну из них.

Нам казалось естественным начинать гимназию с шестого класса (т.е. фактически с пятого, так как в ходе предшествующих реформ один класс начальной школы куда-то выпал) и тогда же вводить преподавание латыни. Первый же год существования гимназии показал правильность этого выбора: латынь, поддержанная античной историей и культурой, шла «на ура». (Замечу, что некоторые гимназии пытались ввести греческий с первого класса, либо, наоборот, латынь в десятом-одиннадцатом). Александр Иосифович как-то в разговоре заметил, что, согласно психологическим исследованиям пик познавательного интереса школьников падает именно на 12 лет (т.е. на наш шестой класс), а позже, как правило, уменьшается. Это в общем совпадало с моим собственным опытом преподавания истории в советской восьмилетке: именно в пятом (т.е. нашем шестом) классе школьники были отзывчивее всего к новым фактам и идеям,

---

³ Этот поход «к высшему начальству», в котором участвовали А.К. Гаврилов, А.И. Зайцев, Н.Н. Казанский и я, видимо, запомнился Александру Иосифовичу, который упоминал его на вечере, посвященном десятилетию гимназии.

позже этот интерес ослабевает и нуждался в искусственном поддержании, тогда как в четвертом классе слишком много сил приходилось еще тратить на то, чтобы дети не ковырялись в носу и правильно писали в тетрадках. Нелегко решить, что в данном случае важнее — непосредственный жизненный опыт, на который мы опирались, или объективный результат научного исследования, на который ссылался Александр Иосифович, придавая этому опыту теоретическое обоснование. Я думаю, что он одинаково ценил и то, и другое, особенно радуясь тому, когда их результаты совпадали. Стоит лишь заметить, что научная литература по школьной педагогике и психологии была им изучена со свойственной ему основательностью, причем задолго до того, как мечты о классической гимназии могли воплотиться в жизнь.

Александр Иосифович был одним из немногих людей, который способен был оценить гимназию не просто как одну из лучших школ Петербурга, а с точки зрения ее соответствия тому, каким вообще должно быть классическое образование. Место классической гимназии в современном обществе, роль, которую должны играть в нем ее выпускники и даже в направлении, в котором должно развиваться это общество, чтобы наш частный гимназический эксперимент мог быть удачным — все это было предметом его размышлений, бесед, статей. Способный смотреть на вещи широко, он предостерегал нас от того, чтобы непременно видеть в выпускниках гимназии будущих филологов-классиков. К несомненным достоинствам классического образования Александр Иосифович относил его универсальность, позволяющую с успехом применять полученные знания и навыки во всех сферах человеческой деятельности, в которых ценятся самостоятельная мысль и ответственные решения.

Оставаясь до конца своих дней тем, кем он был в течение сорока лет — преподавателем Петербургского университета, — Александр Иосифович в последние десять лет прочно связал свою жизнь с жизнью гимназии. Он делал для нее все, что мог и считал уместным, а значит — очень многое. Тот, кто общался с ним, знает, что пустых мыслей у него не было и что слово его стоило дорого. Мне кажется очевидным, что на классической гимназии, такой, какая она есть, лежит мощный отпечаток его личности и его идей. Достаточно ли этого для того, чтобы формально связать его имя с именем гимназии? Важно ли это для памяти о нем и нужно ли это гимназии? Я считаю, что да, хотя и понимаю, что достигнуть единодушия в таких вещах очень нелегко.

В старой России гимназии и училища часто называли по имени основателя, мецената либо первого директора (позже эта традиция сохранилась в именах многих научных институтов и театров). Александр Иосифович не был ни основателем, ни директором, ни тем более меценатом. Он был ученым, который разными путями ввел в исследование античности сотни людей и внушил им самоценность этого занятия. Он был учите-

лем, который всей своей жизнью показал нам, сколь важно и ценно это занятие. Случайно ли то, что из десятков заявленных классических гимназии в России состоялись лишь две — в Петербурге и Москве — причем именно те, к формированию которых Александр Иосифович имел прямое отношение? Из всех имен, которыми могла бы быть названа Петербургская классическая гимназия, имя Александра Иосифовича Зайцева кажется мне самым достойным и самым уместным. Оно могло бы послужить гимназии не меньше, чем служил ей сам Александр Иосифович, — помогая ей сохранить все то, что должно быть сохранено, помогая ей быть классической гимназией.

Л. Я. Жмудь